

как прорыв, резкий скачок от полного бесправия женщин к равноправию с мужчинами. С другой стороны, нужно иметь в виду, что женщины КНР только вступили на путь реализации своих прав.

С. В. Юрлова

*кандидат филологических наук, доцент кафедры
эстетики, этики, теории и истории культуры
Уральского государственного университета
Екатеринбург*

Своеобразие китайской модернизации: взгляд из России

Современный мир сложен и многообразен одновременно, он един и взаимообусловлен. На сегодняшний момент многие страны стоят перед выбором дальнейшего пути своего развития. Этот путь в первую очередь включает в себя социально-экономические преобразования. В условиях глобализации нельзя остаться в своем маленьком мирке и делать вид, что тебе нет дела до охватывающих весь мир социально-экономических и культурных трансформаций. Иными словами, модернизация – неизбежность в развитии любого современного общества. Россия, безусловно, не является исключением, и модернизация различных систем российского общества происходит в последние десятилетия достаточно активно. Анализ аналогичных процессов в других странах позволяет с достаточным основанием утверждать, что связанные с необходимостью модернизации проблемы, стоящие перед Россией и Китаем, во многом сходны. Действительно, и Россия, и Китай имеют обширную территорию (в сравнении со странами Восточной Европы, например); и в той, и в другой стране предшествующий период развития был основан на плановой экономике и командно-административной системе; ну и, разумеется, оба общества – и российское (советское), и китайское имеют общую особенность – закрытость от остального мира. Именно поэтому необходимо попытаться понять, почему процессы модернизации протекают в России и Китае по-разному и при всех успехах российской версии последняя не может сравниться с китайской ни по темпам модернизации, ни по ее эффективности.

Проблема модернизации в современных научных исследованиях рассматривается в широком контексте, далеко выходящем за рамки анализа социально-экономических преобразований. Динамика современных социальных процессов в значительной степени определяется культурной традицией и ментальными структурами, характерными для того или иного общества. Известный исследователь М. Кастельс в своем фундаментальном труде «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» (М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2000) утверждает, что процесс социальных изменений формируется исторической матрицей общества, в котором он происходит. Попробуем кратко проанализировать основные элементы культурного своеобразия китайского общества в избранном аспекте для более глубокого понимания особенностей китайской модернизации.

Анализ данной проблемы, на мой взгляд, требует обращения к двум аспектам китайской модели мира. Во-первых, нужно рассмотреть традиционные представления китайцев об историческом процессе и его закономерностях. Во-вторых, выявить специфику отношения к «чужому», выяснить, какими ценностными установками руководствуется китайское общество в процессе освоения чужого опыта. На мой взгляд, именно эти вопросы непосредственно соприкасаются с проблемой модернизации. Рассмотрим последовательно каждый из них.

Существенной характеристикой традиционной китайской философии истории является то, что ее непосредственным истоком служили архаические представления о структуре времени (например, о неминуемой смене фаз расцвета фазами упадка) и об изначальной гармонии мира – о «золотом веке» (его утопическое описание дается в девятой главе «Записей о ритуале» от имени Конфуция). Согласно традиционным представлениям, движение истории носит колебательный характер – на смену периоду всеобщей гармонии и благополучия приходит период хаоса и распада. Хэ Сю создал учение о трех эрах, утверждая, что историческое развитие мира идет от «Погруженности в смуту» (Шуай луань) через «Подъем спокойствия» (Шэн пин) к «Великому спокойствию» (Тай пин). Выстраивается такая последовательность: эпоха «Великого спокойствия» – эпоха «Подъема спокойствия» – эпоха «Утверждения смуты» – эпоха «Подъема спокойствия» – эпоха «Великого спокойствия».

На мой взгляд, это чрезвычайно важный момент. Всякое изменение в общественном порядке в контексте такой парадигмы воспринимается как неизбежное движение или «вверх» – к «золотому веку», или «вниз» – к хаосу и распаду. Современное состояние китайского общества, скорее всего, понимается как движение «вверх» – к порядку и все-

общему благоденствию. В данной парадигме переход к новой фазе не означает отказа от того, что было ранее. Это скорее эволюция, чем революция. До последней модернизации, модернизации 1980-х гг., вдохновляемой Дэн Сяопином, Китай пережил еще четыре, самыми радикальными из которых были Синьхайская революция 1911 г. и пролетарская революция КПК. Однако ни тот, ни другой вариант модернизации не дал таких ошеломляющих результатов, как последний. Главная характеристика модернизации 1980-х гг. – ее «авторитарность»: сохранение ведущей роли государства, приверженность идее не свержения, а обновления социализма. Разумно воспользоваться в данном случае концепцией Ю. М. Лотмана, изложенной в его труде «Культура и взрыв». Он пишет: «В тренарных общественных структурах самые мощные и глубокие взрывы не охватывают всего сложного богатства социальных пластов... Напротив того, идеалом бинарных систем является полное уничтожение всего уже существующего как запятнанного неисправимыми пороками. Тренарная система стремится приспособить идеал к реальности, бинарная – осуществить на практике неосуществимый идеал»¹.

Взгляд на Китай и Россию в контексте вышесказанного позволяет с достаточной долей уверенности утверждать, что российская культура обладает бинарной структурой, а китайская – тренарной, трюичной. Именно поэтому в процессе реформирования экономики основы политики оказались в Китае нетронутыми (сохранение идеи коммунизма, ведущей роли государства и КПК). В России же все произошло наоборот – модернизация повлекла за собой отказ от предшествующего опыта и тотальную его критику. Безусловно, процесс модернизации чрезвычайно затруднен в бинарных общественных структурах, ибо каждый раз все нужно начинать сначала. Кроме того, М. Кастельс в упомянутой выше работе верно указывает на особую роль китайского государства в процессе модернизации – доверие к власти, основанное на «принципе сыновней почтительности», во многом обеспечивает эффективность проводимых реформ. Россия же, напротив, входила в процесс модернизации в состоянии распада государства.

Теперь обратимся ко второму выделенному выше аспекту китайской модели мира – к отношению той или иной культуры к «чужому». Для Китая изначально «чужой» – это варвар, недостойный уважения и уж тем более – подражания. «Земли китайцев находятся в средоточии того,

¹ Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2000. С. 141–142.

что освещают солнце и луна, и потому все живое произрастает здесь в полноте своих свойств. Люди здесь по натуре уравновешенны и добры. Почвы плодородны. Растительность разнообразна. Посему здесь рождаются на свет великие мудрецы. Земли же варваров расположены по краям, и жизненные свойства всех вещей там ущербны. А потому в их владениях не рождаются умные мужи», – писал Бань Гу². Несмотря на древность этого высказывания, китайцы по-прежнему не склонны к заимствованию чужого опыта, почитая собственный наивысшим благом.

Процессы модернизации в современном обществе выстраиваются в рамках глобальной экономики, созданной по «образу и подобию» западной цивилизации. Именно различное отношение России и Китая к западному обществу и его ценностям лежит в основе кардинальных различий китайской и российской модернизаций.

Для традиционной культурной парадигмы принятие западных ценностей равносильно отказу от собственной культуры. Безусловно, XX в. внес свои коррективы в эту культурную установку, однако главное остается неизменным – принимая ценности «открытых» обществ западного мира, китайцы никогда с ним не сливаются и не стремятся стать в нем своими. Как точно формулирует В. В. Малявин, «“Китай” в современном мире есть не просто географическая реальность, но прежде и превыше всего – символическое “пространство сердца”, хранящее в себе необозримо густую паутину культурных норм, традиционных идеалов, исторических ассоциаций – словом, всего того, что составляет “духовное наследие” Китая»³.

Главное, что вызывает удивление западных аналитиков, – это соединение рыночной экономики и авторитарного типа государственного устройства, сохранение руководящей и направляющей роли КПК. Это действительно противоречит традиционным представлениям о современной модернизации, которая связана с научно-техническим прогрессом, развитием свободных рыночных отношений и одновременным рождением гражданского демократического общества. А в Китае рыночная экономика и технический прогресс налицо, а демократии нет! Причина в том, что для китайского общества модернизация не означает «вестернизацию».

Российская же культурно-историческая ситуация иная. На протяжении последних трехсот лет западная цивилизация для российских

² Цит. по: *Малявин В. В.* Китайская цивилизация. М., 2000. С. 112.

³ Там же. С. 612–613.

умов была вечным «визави». То мы страстно ее любили и стремились с ней слиться, то так же яростно ненавидели, однако все равно хотели «догнать и перегнать». Для наших идеологов модернизации последняя, безусловно, является «вестернизацией», стремлением как можно более полно воспринять все плюсы европейской модели развития и существенно перестроить свою собственную структуру.

Россия, конечно же, гораздо более сходна с Европой, чем Китай, однако то, как идет у нас модернизация, ярко демонстрирует противоречия, возникающие на пути «вестернизации» российского общества. В первую очередь это касается демократической модели общественного устройства. Демократия – важная характеристика современного состояния российского общества, однако утверждать, что эта демократия является аналогом западной, нельзя.

Итак, успехи и стремительность модернизации в современном Китае во многом обусловлены исторически сформировавшимися фундаментальными основами китайского общества и ценностной моделью его культуры.